

САМОЗВАНСТВО И САМОЗВАНЧЕСТВО В РОССИИ XVIII ВЕКА: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНОЙ КОРРЕКТНОСТИ

IMPOSTURE AND PRETENSE IN RUSSIA IN THE 18th CENTURY: PROBLEMS OF TERMINOLOGY CORRECTNESS

Yu. Obukhova

Annotation

The article presents an attempt of comparative analysis of various forms of Russian pretenders activities in the 18th century, examining the specific examples. It is clearly recognized that indicating related but not identical phenomena such terms as "imposture" and "pretense" are used as synonyms in the scientific literature. On the basis of archival documents stored in the funds of Russian State Archive of Ancient Acts and in the stocks of The State Archive of the Russian Federation, as well as published sources, monographic literature and scientific papers various cases of imposture and pretense in Russia in the 18th century are investigated to identify their distinctive features which prove nonequivalence of these phenomena. It is stressed that the elimination of the concepts confusion related to the history of impostors and the introduction of standardized terminology for describing the relevant phenomena may be effective means of cognitive process to produce the most appropriate pictures of the past.

Keywords: impostor; imposture; pretense; political history; Russia; the 18th century.

Обухова Юлия Александровна

К.ист.н., доцент,

Филиал ТИУ в г. Нижневартовске

Аннотация

В статье предпринята попытка сравнительного анализа на конкретных примерах различных форм деятельности российских самозванцев XVIII столетия. Выявлено, что в научной литературе в качестве синонимов используются обозначающие такие родственные, но не тождественные явления термины, как "самозванство" и "самозванчество". На основе архивных документов, хранящихся в фондах РГАДА и ГАРФ, опубликованных источников, монографической литературы, а также научных статей рассмотрены различные случаи самозванства и самозванчества в России XVIII века с определением их отличительных особенностей, что убедительно доказывает неравнозначность данных явлений. Подчеркивается, что устранение путаницы понятий, связанных с историей самозванцев, и введение единой терминологии для обозначения соответствующих явлений могут стать результативным средством познавательного процесса, позволяющим получать наиболее адекватные картины прошлого.

Ключевые слова:

Самозванец; самозванство; самозванчество; политическая история; Россия; XVIII век.

Одним из ярких факторов истории России XVIII века был феномен самозванцев, связанный с особенностями массового сознания, не затронутого влиянием Просвещения, или затронутого им в самой минимальной степени. Однако в научной литературе отсутствует единая терминология для характеристики соответствующих событий и явлений.

Человека, присваивающего чужое имя и/или статус, ради достижения каких-либо личных или общественных целей, в широком смысле слова принято называть самозванцем. Причем нигде в мире они не были столь многочисленны и не играли такой значительной роли, как в России в минувшие столетия. Некоторые авторы пытались даже протестовать против намеков на исключительное "невежество" русского народа. Например, историк М.Н. Тихомиров утверждал, что "такой "рассудочный" народ, как англичане, испытали тоже своего рода эпопею самозванчества в конце XV века, то есть на столетие раньше, чем подобный же самозванец появился в России" [1, с. 116].

Однако споры о "национальной" принадлежности данного феномена кажутся не слишком перспективными. Тем более что количественный перевес российских самозванцев сомнений не вызывает. По выражению историка Н.И. Костомарова, у нас самозванцев "было так много, что их не перечить, да еще многие в свое время являвшиеся остались до сих пор неизвестными и как бы случайно из мрака архивов открываются на горизонте истории словно астероиды, беспрепятственно увеличивающие каталог планет" [2, с. 25].

Однако анализ литературы о российских самозванцах показывает, что среди историков отсутствует взаимопонимание по вопросу, какой понятийный инструмент наиболее эффективен для изучения яркого исторического феномена. В качестве синонимов используются такие неравнозначные термины, как "самозванство" и "самозванчество". С их помощью идентичным образом обозначаются, с одной стороны, мысли и действия самих самозванцев, но, с другой стороны, и поведенческие реакции людей, которым они объявляли

о своем высоком происхождении, а также и то, и другое вместе взятое. Необходимо разобраться в этой путанице понятий и их дефиниций, ибо только в этом случае они могут стать результативным средством познавательного процесса. Речь пойдет только о тех самозванцах, которые выдвигали претензии на имя и/или статус монарха или членов его семьи. На наш взгляд, при изучении российских самозванцев необходимо четко разграничивать "самозванство" и "самозванчество" в качестве терминов, обозначающих, хотя и родственные, но не тождественные явления. Правильными представляются следующие трактовки: самозванство – это необоснованные притязания кого-либо на чужое имя и/или статус, а самозванчество – это появление у самозванца сторонников, т.е. тех, кто признал за ним право на это имя и/или статус. В первом случае мы будем иметь дело с системой представлений конкретного индивида, осмелившегося принять на себя монархическое имя и/или звание, а во втором – с социальной психологией, коллективной ментальностью той или иной группы, решившей поддержать высочайшие притязания такого самозванца.

Типичным и наиболее распространенным в XVIII в. примером монархического самозванства может служить история неизвестного нам по имени гренадера "глуховского гарнизонного полка", который "за неоднократное ложное сказыванье слова и дела наказан был шпицрутенами, но не унимался. Однажды произнес перед солдатами, "с криком", такие слова: "мир, народ Божий, слушай! я – царевич!". Поскольку никакого отклика на столь пламенный призыв не последовало, его притязания так и остались лишь "в эмбриональном" состоянии. "Самозванца наказали кнутом и, с вырыванием ноздрей, сослали в Оренбург, в вечную работу" [3, с. 532].

Довольно заурядно выглядит и случившееся в 1708 г. проявление гулящего человека Ивана Михайлова, задержанного уездным чиновником Владимиром Максимовым, который в сопроводительном письме воеводе сообщал: "И в том селе будучи он Бежецкого Верха с подьячим с Минею Тяжелым, поймали прохожево гулящего человека Ивана Михайлова. И сказался он салдарю царю и великому князю Алексею Михайловичу ... братом, а великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу ... дядею. А те де слова он, гулящей человек Иван, говорил при ... подьячем при Мине Тяжелом, да при приставе Василье Кликунове, да вотчины Знаменского монастыря села Хабоцкого при соцком Тимофее прозвище Сука, да при старосте при Юрье Антипине деревни Броду". В тот же день самозванца под караулом отправили в Москву [4].

Вполне отвечает критериям исключительно только самозванства казус солдата Гренадерского полка в Астрахани Евстифея Артемьева, который в церкви на испо-

веди "сказывался царевичем Алексеем Петровичем". По доносу попа Матвея Харитоновна он был разыскан и на допросе, упорствуя, сначала настаивал на своем: "Алексеем его зовут, Петров сын, прозвания нет". Будучи приведен в застенки, он в конце концов "на виске в расспросе сказал: царевичем Алексеем Петровичем назвался сам собою с пьянства, а не по чьему научению; и чего ради назвался, того и сам не знает". Соответственно, и в данном случае самозванец не приобрел себе адептов, а, значит, за рамки самозванства его история также не вышла [5, с. 9–12].

Еще один "царевич Алексей" объявился в 1725 г. Им стал уроженец сибирского городка Погорельного сын пономаря Александр Семиков. Взятый в солдаты, он был "записан во второй гренадерский полк, квартировавшийся в Почепе, где затеял называться именем Царевича, в каковом своем намерении в расспросах и розысках винился". Однако, из протокола допроса известно: "Важнейших соумышленников его не оказалось", т.е. и здесь самозванство не переросло в самозванчество [6, с. 143].

Подобных типовых примеров на протяжении XVIII в. встречалось достаточно большое количество, когда в ответ на высочайшее возглашение кто-то из присутствовавших людей выражал свое недоверие и доносил воеводе или другому чиновнику. После чего следовали арест самозванца, пытки, признания и, как правило, жестокая расправа.

История XVIII в. неоднократно показывает, что самозванство могло возникнуть не по инициативе самого самозванца, а в результате чьего-либо намеренного подговора, когда человека сначала убеждали выдать себя за высочайшую особу, но после согласия он мог не получить поддержки даже со стороны подговорщиков. К таковым случаям можно отнести, например, историю с бывшим крестьянским сыном, а затем солдатом Иваном Андреевым, которому о "высоком происхождении" еще в 1747 г. поведал его родитель: "Когда же он взрос до пятнадцати или шестнадцати лет, что ... мог уже своею работою себя прокормить, то показанный Андрей Зиновьев (отец. – Ю.О.) стал его высылать из своего дома, выговаривая, яко бы он, Иван, не его сын, и указывая притом на свою жену (которая тогда от него лежала избита), говорил, что "должен ты плакаться Богу на нее, ты де сын Голштинского принца, и она, тебя оттуда взяв, отнесла на твое место своего родного сына"; в чем, сняв со стены образ, он ему, Ивану, клялся ... Жене же своей говорил: "Вот что ты, шельмовка, наделала, что вместо кровного нашего сына принесла другого!" На что жена тогда ему отвечала: "Наш де сын хотя недолго, однако будет царствовать!". "Голштинский принц" – это реальное историческое лицо, в 1747 г. – уже объявленный наследником российского престола, а в будущем ставший на короткий срок правителем России. "А потому он Иван и думает, что это был самый тот их сын, о котором она говорила, – бывший им-

ператор Петр Третий, и считает, что он не настоящий принца Голштинского сын, а подлинно онаго крестьянина". Услышанное оказало сильное воздействие на неокрепшую юношескую психику, и он до конца жизни уверовал в то, "что он сын Голштинского принца для того: пускай бы по суду что ни сделали, хотя бы отрубили ему и голову, то все бы лучше, нежели ему по своей природе жить в такой бедности". Уже давно став взрослым (в 1775 г.), он несколько раз безуспешно пытался объявить о себе: "хотя и говорил он человекам десяти не знакомым ему людям, не в одно время, но порознь попадающим на рынок, чтобы написали ему к государыне такое дельцо; но ни один человек за то не взялся, и уходили от него прочь". Поскольку индивидуальное самозванство в данном случае так и не переросло в массовое самозванчество, И. Андреев ограничил свои притязания достаточно "скромными" желаниями: "когда бы его отпустили на волю, то он бы пошел в Голштинию искать своих сродников; буде же и их никого бы не нашел, то бы остался по крайней мере в своем отечестве; может быть, кто-нибудь сделал бы с ним какую милость" [7, с. 315, 316, 318, 320].

Еще более ярким примером для иллюстрации сказанного выше о подговорах на самозванство может быть казус с "сыном английского короля", произошедший в царствование Екатерины II. Вот что об этом свидетельствуют источники: во время разговора двух отставных офицеров "о покойной государыне Елизавете Петровне" "Батюшков ... стал вглядываться в меня и сказал: – Да и ты, Ипполит, не императрицы ли Елизаветы Петровны сын? Я сказал, что это вздор. Но Батюшков, несколько времени спустя, опять повторил то же самое. Да каким же образом это было? спросил я. – А вот я тебе скажу каким образом, я это знаю: мне сказывала покойная бабка моя Анна Пребышевская, и она это дело знала, что когда здесь был в России Английский посол, то в его свите был под именем кавалера посольства сам король Английский, и в ту бытность прижил тебя с покойною государынею Елизаветою Петровною, а Александру – то Васильевичу отдан ты на воспитание. Я, приняв это за самую истину и желая уверить самого Батюшкова, что это правда, – каялся на допросе Опочинин – сказал ему, что, действительно, нашел в кабинете у своего отца письмо от государыни Елизаветы Петровны о том, что я рожден именно от нея и отданюсь ему на воспитание, при чем – де в залог и перстень брильянтовый в 15 тысяч рублей приложен был. Да и нянька – де моя сказывала мне, что я полугодом принесен и отдан на воспитание". Видим, что и в данной истории навязанная посторонним человеком мысль о высокомо происхождении стала неотступно преследовать сознание самозванца и, в конце концов, восприниматься как своя собственная: "Затем Батюшков рассказал как было на самом деле: – Опочинин, по свойству со мною, будучи в доме моем недели с три в гостях, осенью 1768 года, в разговоре со мною, между прочим, сказывал, что он сын короля Английского. А как я спросил, почему бы он мог это знать, –

Опочинин сказал: а вот – де почему это знаю. Мамка моя в одно время сказала мне, что я не Александра Васильевича Опочинина сын, а знатного потентанта, а именно короля и рожден от покойной государыни Елизаветы Петровны" [8, с. 198–199, 204]. Особенностью самозванства Ипполита Опочинина является то обстоятельство, что в качестве "сына" английского короля и российской императрицы он мог восприниматься как обладавший притязаниями сразу на оба монарших престола.

Имея в виду таких ложных претендентов, как Ипполит Опочинин и Василий Бунин (сам себя ни разу не назвал "Петром III", это делала его сподвижница М. Тюменева. – Ю.О.), историк О.Г. Усенко полагает, что "нет ни одного случая подговора на самозванство, т.е. ситуации, когда один человек просит, или заставляет другого откровенно дурачить окружающих, а сам лишь делает вид, что верит новоиспеченному "монарху"", "сознательная подготовка человека "в самозванцы" как вариант хитроумной аферы была просто невозможной" [9, с. 332, 333].

Рассмотренные выше примеры показывают, что подговор был возможен, хотя едва ли можно говорить о намерении инициаторов "дурачить" окружающих и саму предполагаемую "монархическую особу". Подобные действия совершались всерьез, в том смысле, что зачинщики сами верили в эту вымышленную реальность. Искренность собственной веры и позволяла им быть столь убедительными.

Последняя история характерна еще одним любопытным вариантом самозваного провозглашения, виновником которого, по – видимому, был И. Батюшков. Рассуждая со своими конфидентами о возможных сторонниках заговора против Екатерины II, он коснулся личности президента Военной коллегии: "Вот – де и Захара Григорьевича (Чернышева. – Ю.О.) по этому делу примешали, за что и отставку ему дали, но после видно выправился и его приняли в службу по прежнему. Да полно, говорил Батюшков, даром что выправился, а он все – таки в нашей партии будет и от нас не отстанет, потому собственно, что он не Григорья Петровича сын, а Петра Великого" [8, с. 216].

Скорее всего, сам З.Г. Чернышев понятия не имел о такой своей "родословной", да и об уверениях И. Батюшкова едва ли знал. Хотя, учитывая обстоятельства эпохи, полной воспоминаниями и мечтами о дворцовых переворотах, утверждать это наверняка не рискуем. Вероятно, в данном случае мы фактически сталкиваемся с ситуацией, когда самозванца как такового не было, он возник только вербально в устах постороннего человека, но, все же, предполагалось его реальное существование, о чем и сообщалось собеседникам, которые гипотетически должны были отныне воспринимать его именно в такой мифической ипостаси. Впрочем, об их реакции на информацию о З.Г. Чернышеве – "сыне Петра Великого" нам неизвестно. Может ли это означать рождение еще

одного случая самозванства, сложно судить, но не отметить данный необычный казус никак нельзя.

Что касается самозванчества, т.е. тех случаев, когда объявившиеся самозванцы получали массовую или хотя бы единичную поддержку, обратимся к подсчетам историка О.Г. Усенко для периода с 1762 по 1800 гг.: "Судя по всему, – пишет он, – наличием сторонников могли похвастать лишь 43% самозванцев (26 человек). Львиная их доля (19 человек, или 32% всех самозванцев) сумели завести не более чем 20 соратниками, и лишь у двоих – Селиванова и Пугачева – счет идет на тысячи и десятки тысяч людей. Вот полная раскладка данных по этому параметру: 1–2 сподвижников обрели 7 самозванцев, от 3 до 10 человек – 8, от 11 до 20 человек – 4, от 21 до 50 человек – 1, от 51 до 100 человек – 1, от 201 до 300 человек – 1, от 301 до 500 человек – 1, от 501 до 1000 человек – 1, от 1000 до 10 000 человек – 1, свыше 10 000 человек – 1. В среднем получается, что на каждого из этой естественной выборки приходится по 1205 сторонников. Но если исключить Селиванова и Пугачева, то на долю оставшихся лжемонархов придется приблизительно по 55 человек" [9, с. 321].

Относительно первой половины XVIII столетия данные намного более фрагментарны. Можно лишь с уверенностью констатировать, что в абсолютном большинстве монархических притязаний имело место обычное самозванство. Удалось насчитать лишь около 10 случаев самозванчества. Речь идет о таких самозванцах, получивших признание со стороны окружающих, как Андрей Холщевников, Тимофей Труженик, Ларион Стародубцев, Иван Миницкий, Андрей Обудин, Яков Татаринов, Артамон Чевычелов, Михаил Рандачич и Иван Дириков.

Рассмотрим конкретные примеры самозванчества, имея в виду наличие у самозванцев сторонников, тех, кто признал за ними право на объявленное высокое имя и/или статус. Из воспоминаний иностранного современника известно о произошедшей в царствование Анны Ивановны истории, которую можно признать типичной для российского самозванчества XVIII века. В ноябре 1739 г., – пишет мемуарист, – была "на Украине совершена страшная казнь. Сын местного крестьянина стал выдавать себя за сына Петра I, царевича (Алексея. – Ю.О.), умершего в 1718 году. Под этим именем пришел он в одно пограничное село, где объявил о себе трем солдатам, стоявшим на карауле у сигнальных маяков. Солдаты и поселяне оказали ему почести – местный священник велел звонить в колокола и отслужил в его честь литургию; наконец, все население столпилось на улице, и дело приняло бы, пожалуй, серьезный оборот, если бы не узнал о том казацкий сотник, который немедленно сообщил о случае находившемуся поблизости генералу Румянцеву. Лжецаревича и его многочисленных приверженцев без труда арестовали и увезли в Петербург, где их судили в Тайной канцелярии". Из дальнейшего рассказа мы узна-

ем о печальном для участников событий эпилоге затеянной интриги: мнимый царевич "живым посажен на кол, священник и три солдата казнены различной смертью". Другим сторонникам самозванца "императрица объявила прощение, однако село их было уничтожено, а крестьяне переведены в другие места" [10, с. 199–200; 11, с. 142].

В отличие от проанализированных ранее примеров самозванства, в данном случае у Лжеалексея появилась поддержка в лице солдат, священника и жителей села, в котором он объявил о себе. Следовательно, возглашение анонимного крестьянина переросло в самозванчество.

Нет сомнений, что наиболее ярким и масштабным самозванчеством XVIII столетия является история Пугачева/Петра III [12, с. 21–28]. Предполагают, что на мысль назваться императорским именем его навели слова одного беглого солдата, увидевшего в нем "подобие покойного государя Петра Третьяго". Под их влиянием Е. Пугачев, "обрадуясь сему случаю, утвердился принять на себя высокое название". Попав осенью 1772 г. на Яик, где едва отгремели раскаты казачьего бунта, Е. Пугачев мог понять, что судьба дарит ему уникальный шанс: "В сие-то время я разсудил наименовать себя бывшим государем Петром Третьим в чаянии том, что яицкия казаки по общелющению моему скоряя чем в другом месте меня признают и помогут мне в моем намерении действительно". В принципе, его расчеты оказались безошибочными, хотя казаки сначала потребовали доказательств царского происхождения, и только после их предъявления "Оные казаки, Шигаев, Караваев, Зарубин, Мясников ... сказали: "Ну, мы теперь верим и за государя тебя признаем" [13, с. 109, 71, 161–162].

Будущий пугачевский сотник Тимофей Мясников дополнил картину живописными чертами, как при встрече "они поклонились самозванцу низко, а самозванец приветствовал их сими словами: здравствуйте, войско Яицкое, доселева отцы ваши и деды в Москву и Петербург к монархам ездили, а ныне монарх сам к вам приехал" [14, л. 121].

В данном случае поддержанные сторонниками претензии названного Петра Федоровича привели к возникновению мощного народного бунта во главе с "третьим императором" [12, с. 19–21]. Однако так было далеко не всегда. Из более ранних и менее масштабных примеров самозванчества можно привести незатейливую историю рейтарского сына угличанина Андрея Крекшина, который проявился в 1712 г. среди крестьян Нижегородской губернии. Как показали на допросе приютившие его хозяева, он "будучи пьяной в разные времена при нем Анисиме и при сыне Федоре сказывался он боярским сыном ... имени не называл ... а в иные времена он назывался великим государем благородным царевичем и великим князем Алексеем Петровичем". Однако, "его слова

вправду они не ставили для того что он пьянствовал, и за государя царевича не вменяли"; или так: "В разные времена сказывался боярским человеком Андреем зовут Иванов сын Страхов. А по пьянству как бывал пьян назывался великим государем царевичем и великим князем Алексеем Петровичем ... а однажды он сказал для того что взял ево хмель, то эти слова он Федор и отец ево Анисим слышали". Похожим образом об этом вспоминал и сам А. Крекшин: "И во время де у того Анисима житья своего, будучи во пьянстве, в два пойма, сидя с ним, Анисимом, да с сыном ево ... Федором в бане и пьючи пиво, он, Андрей, великим государем и царевичем и великим князем Алексеем Петровичем назывался ... Толко де они, Анисим и Федор, тех ево слов в ыстинну не ставили и вместо государя царевича не вменяли" [15, л. 23об–24, 25–25об].

Впоследствии выяснились подробности злключения самозванца. Из показаний стало известно, как "отец прогнал его из дома за страсть к вину и игре в зернь. Он поселился у дяди, но и дядя скоро выгнал его за пьянство. Тогда у него возникла мысль о самозванстве, и он стал выдавать себя за царевича, чтобы крестьяне "з двора ево от себя не сослали и поили и кормили"". Эта выдумка в принципе оказалась успешной, и А. Крекшин прожил "царевичем" более трех лет. Следовательно, задуманная авантюра изначально была ориентирована на признание его мифического статуса другими людьми, и поскольку добиться этого удалось, мы, в действительности, имеем дело не с самозванством, а с самозванчеством. По мнению историка Н.Б. Голиковой, в этом деле "отчетливо

проявились крестьянские настроения, позволившие авантюристу в течение ряда лет жить за счет крестьян" [16, с. 177–179].

Контраст между авантюрной затейкой А. Крекшина и пугачевской эпопеей, конечно, разительный. Один из них – народный заступник, второй – обычный приживальщик, любитель паразитировать за чужой счет. И между количеством признавших их возглашения сторонников дистанция непреодолимой величины. Но и то, и другое – самозванчество, различающееся, тем не менее, своими масштабами и особенностями сюжетной канвы. Наиболее частым в XVIII веке было самозванчество близкое к казусу А. Крекшина, а не Е. Пугачева. В этой связи можно назвать имена Тимофея Труженника, Лариона Стародубцева, Гаврилы Кремнева, Максима Ханина и многих других. Мерить их всех одинаковым "лекалом", разумеется, не приходится, что, впрочем, не исключает возможности конструирования на основе их историй обобщающих характеристик российского самозванчества.

Таким образом, проведенный анализ поставленной проблемы на примере конкретных российских самозванцев XVIII столетия доказал правомерность предложенных нами научных дефиниций понятиям "самозванство" и "самозванчество". С их помощью мы получаем результативный способ для дифференциации многочисленных российских самозванцев на две четкие группы: тогда, когда они получали хотя бы немногочисленную поддержку от окружающих ("самозванчество"), или были лишены ее вовсе ("самозванство").

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихомиров М.Н. Самозванщина // Наука и жизнь. 1969. № 1. С. 116–121.
2. Костомаров Н.И. Самозванец лже-царевич Симеон // Исторический вестник. 1880. № 1. С. 1–25.
3. Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны 1741–1761 гг. // Русская старина. 1875. Т. 12. С. 523–539.
4. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 491. Л. 1–13.
5. О извошке 1-го гренадерского батальона (Низоваго корпуса) Евстифие Артемьеве, назвавшемся царевичем Алексеем Петровичем // ЧОИДР. 1897. Кн. 1. Смесь. С. 9–14.
6. Лашкевич С.И. Историческое замечание о смертной казни самозванца Александра Семикова, выдававшего себя за царевича Алексея Петровича // ЧОИДР. 1860. Кн. 1. Отдел I. С. 141–146.
7. Памятники новой русской истории: Сборник исторических статей и материалов. Т. 3. СПб.: Типография Майкова, 1873. 439 с.
8. Барсуков А.П. Рассказы из русской истории XVIII века по архивным документам. СПб.: Типография Тов-ва "Общественная Польза", 1885. 284 с.
9. Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. (Опыт системно-статистического анализа) // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 290–353.
10. Манштейн К.Г. Записки о России. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 440 с.
11. Троицкий С.М. Самозванцы в России в XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 134–146.
12. Мауль В.Я. Социокультурное пространство русского бунта (по материалам Пугачевского восстания): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2005. 41 с.
13. Емельян Пугачев на следствии. Сб. док-тов и материалов. М.: Языки русской культуры, 1997. 464 с.
14. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 106–116, 117–136, 379–384, 387–387 об, 390–391 об, 441–446 об.
15. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 788. Л. 1–100.
16. Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 337 с.